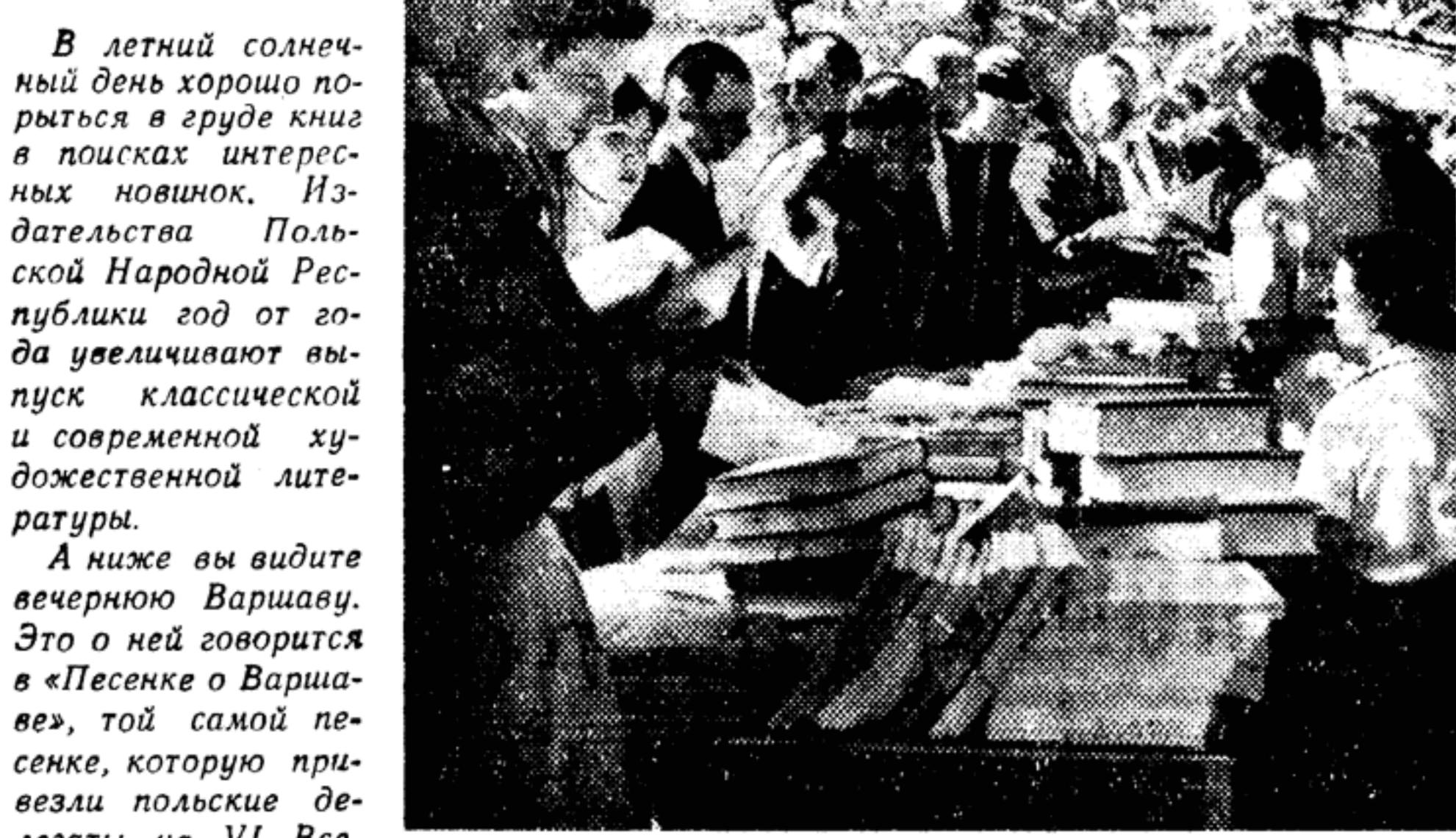
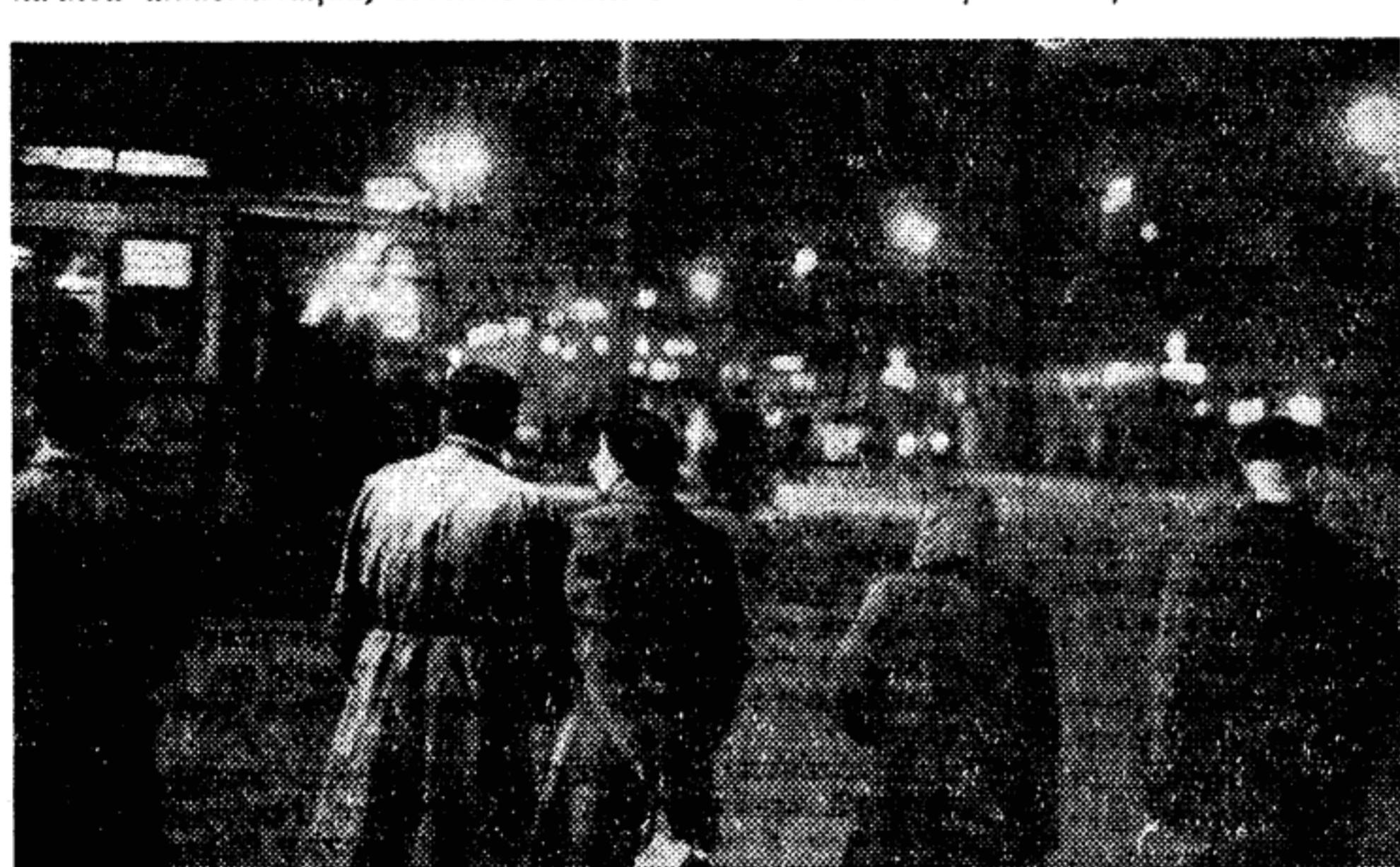

Внешней Польши

В летний солнечный день хорошо порыться в груде книг в поисках интересных новинок. Издательства Польской Народной Республики год от года увеличивают выпуск классической и современной художественной литературы.

А ниже вы видите вечернюю Варшаву. Это о ней говорится в «Песенке о Варшаве», той самой песенке, которую привезли польские делегаты на VI Всеевропейский фестиваль молодежи в Москву. Завтра эти улицы засияют огнями праздничной иллюминации, веселые толпы заполнят их от края до края.

«Литературной газете» 11 июля была опубликована статья автора польского писателя Миры Ибрагимова «Непримиримость».

М. Ибрагимов поднял важный вопрос о задачах советской литературы борьбы с мракобесием. Публикуемым ниже заметкам мы продолжаем разговор об атеистической пропаганде.

За глухой оградой

Борис ЯРАНЦЕВ

тыре десятка допотопных томов, из которых много месяцев не прикасалась рука человеческая.

— Читают их монахини?

— Нет, не читают... Времени не хватает!

И правда, когда же читать их? Так идут дни, годы, пока сестру, умершую от старости или туберкулеза, не отнесут на кладбище, где поставят еще один безымянный крест. «Спасение души» завершился...

В карликом. Бедевлянским монастыре мы разговаривали с молодыми послушницами Василиной Добра (из села Широкий Луг Тячевского района) и Елизаветой Довганич (из села Конопаново Хустского района). Обе девушки недавно закончили семилетку. По физике, биологии, истории они имели четверки и пятерки. Но, поговорив с ними, убеждаешься, что школьные знания не оставили значительного следа ни в сердце, ни в уме. Видно, никто из учителей не заглянул им в душу. Девушки имена-то своих педагогов забыли. А вот о боге, ангелах они говорят с благоговением и любовью. Послушницы с благоговением и любовью. Послушницы пока молоды и не в состоянии понять трагедии такой жизни — без радости замужества, без счастья материства огромного человеческого удовлетворения от своего труда, отданного народу...

И мир прощал напоминает о себе: почти на каждом километре видишь столбы с распятным Христом.

Жители области говорят на разных языках, но те, кто воздигал хресты изображения, не утруждали себя творческими поисками: распятия сделаны стандартно, аллювально.

Приглядев села чувствуешь сразу — издали уже видна его церковь. А рядом поднялись светильные здания новых школ, клубов, больниц, магазинов.

Десятки тысяч людей получили хлеб земной — и отвернулись от обещаний хлеба небесного. Но на церковь работает тысячелетняя традиция. Ее нельзя сбрасывать со счета в Закарпатье, где еще немало церквей, монастырей, скитов.

В ЧИСТЕНИКОМ солнечном поселке Солотвино, что на берегу Тиссы, воскресенье день я гулял с Юлием Ивановичем Мересицом. Мой спутник рассказывает о своей жизни, о пути от рядового послушника до игумена.

Мы идем по окраине. Из молельного дома баптистов слышится нестройное пение. Нас обгоняет пожилая женщина, цепко держа за руку мальчишку лет двенадцати.

Они взошли на крыльцо молельного дома и остановились, ожидая конца псалма.

— Опоздали, — говорит Юлий Иванович. — За это по головке не гладят! Но самая крепкая дисциплина была у иезуитов-униатов — военная! Знаете, если бы верующие увидели кошмар, который прошел перед моими глазами, сколько людей расссталось бы с мыслью о бое! Я сейчас пишу книгу о своей жизни — «Василианнин». Пишу, и самому страшно становится, когда вспоминаю... Рука останавливается — вижу, читатель не поверит: «Этого же быть не может! Это средневековье, инквизиция!» А все это было...

— Детей-то зачем ведут с собой?! Почему школа на это глаза закрывает? Наша иезуитская учебные заведения крепче боролись с атеизмом, чем сегодняшняя школа с религией! — И с горечью Юлий Иванович продолжает:

— Почему сейчас крепкие, красивые девчата и хлопцы идут не то что в церковь — в монастыри! Что им там надо?

Как чудовищный анахоретизм, воспринимается сегодня сам существование закарпатских монастырей. Конечно, заставь купить у македонских монахов вино. Оно терпкое, вкусное и питерка за экзотику переплачивается без огорчения. Но что думать об экзотике, когда видишь левачей восемнадцати лет, «спасающих свою душу»? Как попали они сюда? Почему не остановили их школа, родители, наконец просто окружающие советские люди?

Почему удаются церкви опутывать некоторых молодых людей? Как живут они за глухой оградой, чем интересуются?

ДОМБОКСИЙ монастырь. С гордостью мати-игуменя показывает хозяйство. Ничего не скажешь — 28 гектаров находятся в общем состоянии. Есть все: овощи, фрукты, пасека, пекарня, даже кладбище с безымянными крестами «сестер» свое, собственное.

Игумены может гордиться достатком — для этого пятьдесят «сестер» встают в путь утра и после молитвы до сумерек работают на полях.

В кельях — иконы, картины из священного писания. Ни одной книги, кроме библии и евангелия. Ни одной газеты, нет даже репродуктора.

— А библиотека есть в монастыре?

— Есть. Да стоит ли смотреть ее?

Но книги я все-таки увидел. Три че-

ПОМОГИТЕ ЧАРЫ УМИРОВУ

В СТРЕЧА эта произошла в колхозе имени Карла Маркса, Гузарского района, Кашка-Дарынского общества на раскаленной июньской солнечной улице колхозного кишлака. Я невольно замедлил шаги, проходя мимо группы строителей: человек десять строиков и молодых возводили большой глиняный дом с кривыми стенами.

Пожилой мужчина с загорелым лицом и седеющим пышными усами — хозяин строящегося дома — радушно встретил нас. После первых приветственных слов я спросил его, почему он строит себе такое неказистое жилище, или другое ему не по карману?

— Слава Богу, в помои не нуждаемся! — с достоинством ответил Чары Умиров.

— Так почему же не строите дом по типовому проекту?

Он добродушно улыбнулся:

— Отцы наши жили в худших домах, проживем!

Тому, что Чары Умиров живет лучше, чем его отец и дед, можно только радоваться. Но почему он, имея средства и возможность устроить свою жизнь по-новому, кроет ее по старым меркам?

Раздумья эти привели меня в институт УзгипроПСстрой.

На стенах — розовые листы кальки с типично выведенными на них знаками: точками, квадратиками, «четкой прямых... Сверху надпись: «Генеральный план поселка колхоза имени Октября Бухарской области».

— Более семидесяти процентов колхозов Узбекистана имеет генеральные планы, — говорит директор института М. М. Хачинян. — Через год, другой та же нужна не только с космическими ракетами, но и с новой культурой.

Происматриваю длинный список колхозов, уже осуществивших перестройку

своих киппаков по генплану, и еду в колхоз имени И. С. Хрущева Орджоникидзевского района. Он занимался меня огромное здание. Оно поражает своей монументальностью и роскошной отделкой: ни дать ни взять — театр оперы и балета имени Алишера Навои в стени!

— Что за здание?

— Новый клуб.

С трудом отворив массивные двери, поразившие еще больше: все расписано золотом, все в бархате, и на каждом шагу колонны.

Председатель колхоза Файзи Мухсинов неторопливо рассказывал:

— В колхозе около восьмисот хозяйств. Большая часть колхозников уже переселилась в новые типовые дома, остальные передумали в этом году... Как же...

— ...Что вам сказать... Колхоз начал богатеть, ну и подумали: как лучше использовать богатство? Убедили

людьми, что надо строить хорошее жилье...

Колхоз из года в год увеличивает отчисления в неделимый фонд. Это дает возможность помогать колхозникам по-новому устроить свой быт...

Размах жилищного строительства в этом «среднем» колхозе знаменителен. В годы великой семилетки каждый день — шаг вперед к коммунизму, и прийти к нему нужно не только с космическими ракетами, но и с новой культурой.

Отчего же в Кашка-Дарынской области не учитывают этого требования жизни?

Строительства идет и там. Строятся клубы, школы, больницы, новые дома. И все же, раздувшись размахом стройки, нет ни строителя, чтобы вспоминал слова Н. С. Хрущева, сказанные на совещании хлопкоробов в 1954 году:

...говоря о расцвете ваших республик, о подъеме их экономики и культуры, нельзя не коснуться одного вопроса, который мне кажется, требует большого внимания. Уже очень непригляден вид многих ваших кишлаков. Когда люди были бедны, у них не было возможности обзаводиться лучшими жилищами, украшать свою жизнь. Сейчас иное положение. И внешнее оформление жизни узбека не соответствует ее богатому внутреннему содержанию, не соответствует материальному обеспечению людей, их культуры...

Строительства идет и там. Строятся клубы, школы, больницы, новые дома. И все же, раздувшись размахом стройки, нет ни строителя, чтобы вспоминал слова Н. С. Хрущева, сказанные на совещании хлопкоробов в 1954 году:

...говоря о расцвете ваших республик, о подъеме их экономики и культуры, нельзя не коснуться одного вопроса, который мне кажется, требует большого внимания. Уже очень непригляден вид многих ваших кишлаков. Когда люди были бедны, у них не было возможности обзаводиться лучшими жилищами, украшать свою жизнь. Сейчас иное положение. И внешнее оформление жизни узбека не соответствует ее богатому внутреннему содержанию, не соответствует материальному обеспечению людей, их культуры...

Боратися с фактом.

В прошлом году доход колхоза имени Свердлова Китайского района составил 24 миллиона рублей, а колхозников, построивших новые жилье, — всего восемнадцать. Тридцать семей переселилось в новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 22 миллиона рублей, а на трудодень выдал в среднем 16 рублей.

...Я сижу в кабинете председателя колхоза, где живет Чары Умиров. Угощая меня чаем, председатель не без гордости рассказывает:

— Тридцать семей построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

— Тридцать семь построило новые типовые дома...

Заглядываю в блокнот: колхоз имени Хрущева имел доход вдвое меньше, а построил новые дома в колхозе имени Карла Маркса Шахрисабзского района, который получил в 1958 году 12 томов на 1959 год.

ИЗ ЖИЗНИ В ЖИЗНЬ

Вера КЕТЛИНСКАЯ

ЕСТЬ КНИГИ, в которые погружаешься, как в саму жизнь. Начал читать — и вошел в среду, воссозданную художником, соприкоснулся с ее людьми. И вот уже живешь из жизни, радуясь и страдая, волюясь и мечтая вместе с ними.

Читая такие книги, читатель не сомневается в подлинности героя и событий, в своих письмах часто спрашивает писателя и издательство, какова дальнейшая судьба героев, где они сейчас и даже — можно ли завязать с ними переписку.

Наш предавременно погибший товарищ, ленинградская писательница Елена Соколова, стала роман «Жизнь Граня Соколовой» со сценами похорон своей деревни. С последней страницы. И о Гране Соколовой все гламурное, определяющее человека, сказано тут словами старой работницы:

«...а наша Граня всю жизнь была в полете... Но легкий был полет, не по ясной погоде, не с попутным ветром. Всякое бывало: и камнем пытались сбить, и крылья ломали, и к земле тянули, но как минута беда — забывала о ней Граня. Она летела не как мертвый стрела — но яркая линия, какая живая птица — бывала, что сбивалась с дороги, бывала, и падала...

...Нигде она не была беднейкой... Она была богатая и щедрая, хотя не имела ни чинов, ни орденов, ни капиталов... Простая была, обыкновенная женщина, но многим помогла в трудную минуту, со многими разделила горе, многих поддержала и не дала упасть. Может, эти люди и не вспоминают о Гране Соколовой, — людская память забывчива, не надо бы обещать, что имена погибших остаются навечно. Не остаются они! Да и не нужно, чтобы оставались, — заглянув от горячего человеческого сердца огоньки вокруг — вот и память...»

Все сказано. Ничего исклучительного, выдающегося не обещано. Перееревив эту последнюю страницу жизни и начиная с первой — подрастает в трудных условиях гражданская война и первых лет восстановления маленькая простая девочка Граня, дочь паровозного машиниста с далекой станции. Смерть отца, потом — смерть матери. Вынужденный отъезд к незнакомой тете — тете Коке — в Петроград 20-х годов. Безработица, биржа труда, противоречевые впечатления от жизни периода испытаний и мечты. В долгих скитаниях по городу в поисках работы вдруг возникает первое упрямое решение добиться работы именно на ламповом заводе, на заводе, поразившим воображение Граны: «...изделия, прорезал мозгливый сумрак, выплыл, как корабль, огромный пятиэтажный дом с кирпичами, ярко освещенными окнами. Свет в этих окнах был какой-то особенный. Казалось, что там, внутри, не осеня, а знаменное лето, и светят там не лампы, а настоящее солнце».

Завод, хранивший внутри солнце, стал мечтой Граны. Простая мечта! Но мы мечтаем вместе с Граней, вместе с нею бегаем на завод, и не биржу труда, и вместе же я неую упрямно не выпускаем из рук бумагу с безымянным требованием на двух работниц, и горячо хотим, пока Граня, утомленная, спит на затоптанном полу, чтобы драгоценную сердце сургового заведующего, чтобы он почувствовал: нельзя не исполнить мечту вот этой спящей девочки в короткой юбочке и разношерстных туфликах...

Скромно, локально рассказывает Елена Катерли, о судьбе одних девочек, трудно вступающей в жизнь, — читая, мы не сразу замечаем, как скромный рассказ об одной судьбе переходит в рассказ о первом поколении строителей социализма.

Точные черты времени проступают в песнях и спорах работниц, в комических сценах, когда Граня и ее дядя пытаются «перевоспитать» тетю Коку, в обаятельной фигуре комсомольской активистки Фанни, борца за женское равноправие, против «феодалов», преобразующих общественным питанием... Очень точно припадают своему времени и старания комсомольцев во-

— Елена Катерли, «Жизнь Граня Соколовой», Журнал «Нева», № 10, 1958.

А ПОДУШЕ

Все пропало, он гибнет. И в этот критический момент он испускает «вопль души», может быть, это первые действительные искрение произнесенные им слова, но и они — не его слова, у него вообще нет своих слов. Как будто синтезировался скрытый механизм, и зазвучала холовая формула тех лет, живой тозинг времени, который здесь, в устах Победоносикова, в данной ситуации звучит умопомешанным.

Громовые великие призывы революции в устах Победоносикова мертвят, социализм, живой, настоящий, правдающий, «простое делаемое дело», заслонен светонепроницаемой «бумажкой».

Эта фигура одновременно и зловещая, и смешная. Зарубежные буржуазные «специалисты» по русской литературе любят говорить о том, что, нарисовав Победоносикова, Маяковский сам устроился его. В действительности же позади него времена лает читателя почувствовать внутреннюю слабость, комедийное ничтожество персонажа. Уже в самой его фамилии, как зерно, заложено разительное несогласие между неморальной претензией героя и его сущностью. Фамилия начинается громко, фанфарно: «Победо...». И виду после торжественного звания — что-то маленько, мелкое: не то «носки», не то «долгоносик». Так же двусмыслично и должностное наименование Победоносикова: «Глав... наст...» и вдруг «пупс» — что-то почти игрушечное и смешное.

Непристойный и страхованный для публичных вород машинистик Ундертаги, главнокапитан сразу как-то сникнет перед посланием будущего — Фосфорической женщины. И самое убийственное для него — то спокойное безразличие, с каким она на него смотрит. В самом деле, она почти не замечает всемогущего начальника. «Главина» для нее — как-то смехотворный «пупс». Как грозно выглядела в начале пьесы надпись: «Без доказательства не входить». Она встречала опасавшего просителя, как нацеленное дуло из амбразуры. Но вот появляется Фосфорическая женщина и пропивает: «А, вы эти глупости снять забыли?!

лечь девушек в активную работу, и борьба со спекуляцией и простицами, и образ «красного директора» товарища Иванова.

Большие события эпохи проходят через сердце Граны. Смерть Ленина — потрясение, общая скорбь людей настигло возникшим рабочим собранием, совместное нащупывание правильного решения, как жить без Ленина, первое осознание себя частичкой класса. И рядом — нелепый и трогающий за душу страх тети Коки, не отберут ли теперь комнату, не переселят ли обратно в подвал. И ночной разговор дяди-путевиша с Граней, и его заявление о вступлении в партию, и первые стихи Граны...

Вместе с Граней мы переживаем неустройство и непорядки на стройке электростанции, проводиме ночное собрание с деревенскими девушками, которые плачут от того, что им не дают ни сапог, ни мануфактуры, ни гитары. Вместе с Граней мы замираем, впервые увидев увлекательную панораму строительства, и работаем лопатой во время ночного штурма, котлована. А главное, вместе с Граней мы узнаем людей тех лет, знакомых и неповторимых, таких не было раньше и каких уже не встретил бы пять лет спустя...

Я ГОВОРИЛА, что, читая, не замечаясь, как рассказал о Гране Гране переходил в большой рассказ об эпохе. В романе Елены Катерли происходит и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первостроителей социализма. Граня — очень русский характер, ей органически присущи черты русской женщины, воспитанной Некрасовым, — и за правду она вст起来, не боясь угроз, и в гордий склад ринется, потому что нужно... Но ведь и национальный характер не есть нечто идентичное. Он обогащается новым народным опытом, приобретает новые черты новых условиях самостоятельного хозяйствования и созидательного труда. Огромный достижением Елены Катерли является то, что она очень естественно и достоверно показывает и другое «чудо», рождение праздной жизни: ни на, одной странице нет ни одного рассуждения о том, что поняла и в чем изменилась Граня, но в то же время мы все время ощущаем, как формируется и мужает характер Граны, а вместе с ней — как формируется и мужает поколение первост

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Максим ТАНК

В СТИХОТВОРении, посвященном известному польскому писателю А. Струге, поэт-революционер Владислав Броневский писал некогда, что похоронили Струга в земле родной, но не на отчине. И действительно: довоенная, санационная Польша не была отчиной для миллинов ее сыновей — людей труда, для тех, у кого милое слово «Польша» связывало было с борьбой за социальную справедливость, демократию, свободу. Ибо не могло быть свободы там, где господствовали земельныемагнаты капиталисты; не было свободы там, где народ лишили всех прав, где свирепствовала рэакция...

Отзыва!

Как же не радоваться полякам этому светлому дню ее нового рождения!

Не однажды имел я счастье гостить в стране братского польского народа, и каждая встреча была памятной и волнующей. Правда, первым встречам сопутствовали и радость, и горе; еще гремели пушки, зарево пожаров бушевало над Вислой. Каждый новый день приносил вести не только о победах, но и о потерях — друзей, товарищей, с которыми вместе приходилось работать в подполье, детьми острожный кусок хлеба, идти фронтовыми дорогами. Я встречался с

ними на Старом Мястке, на Краковском Предместье, на улице Заменгофа, на Праге-Варшавской... И этих лиц, и целых кварталов не стало...

Я смотрел на трагические руины Варшавы и, как многие другие, думал: найдется ли такая сила, чтобы поднять из пепелища все разрушение врагом?

Сила такая нашлась. Она, эта сила, в безграничной любви народа к своей новой, социалистической родине, в великой дружбе наших народов. Она, эта сила, сделала еще более красную геровическую и многострадальную Варшаву, подняла из руин ее кварталы и мосты, колонну Зигмунта, памятники Минекевичу и Шопену. На новых площадях столицы народ поставил еще памятники: памятники мужества и бессмертия, памятники вечной дружбы, скрепленной нашей кровью.

Дружба! Она, как хлеб и солнце, вошла в нашу жизнь, стала ее содерянином. Любовь к советскому народу, братское чувство дружбы я встречал везде — и в Новой Гуте, которая носит имя великого Ленина, и в местах, где он некогда жил, работал, где народ навсегда сохранил в своем сердце бессмертный образ, образ вождя революции.

Встречая я эту любовь и дружбу у крестьян и горняков; на просторах Мазовии; на янтарных берегах Балтики, где в громадных доках рождаются морские корабли-великаны, которых на краинках дают имена борцов за дело народа или героев мирного созидательного труда; встречая в школах, где дети расспрашивали про Москву и, как дети во всем мире, мечтали побывать в столице моей великой социалистической Родины.

Обычно за праздничным столом произносят тосты, желают юбиляру здоровья, счастья и, как заведено у наших польских друзей, поют «Сто ляг». Но что это для народа и страны! Есть у нашего общего китайского друга хорошее слово «Вансинь», что значит десять тысяч лет. Присоединяясь ко всем этим гостям, мне хотелось бы в радостный день передать дорогим польским друзьям наши искренние белорусские поздравления и пожелания всего наилучшего из жизни и созидательного труда.

МИНСК. (По телефону)

«ВИКТОРИЯ»

РАЗГОВОР этот состоялся 15 лет назад.

И вот при каких обстоятельствах.

В ясный солнечный день пришли мы на Площадь Литовских (Литовскую площадь) освобожденном Люблине. Мы — это три товарища, проделавшие трудный путь от Селецкого лагеря под Рязанью (где формировалась 1-я польская дивизия имени Т. Коштошко) до кошмарных полей Майданека: Стах, Чеслав и я. Пришел отец Стаха, спасенный нами шестидесятилетний Ян.

Большая площадь была запружена народом; в центре четырехугольником стояли костюкованые. На украшенной национальными альбиносами флагами трибуне кто-то поднял руку. И вот над притихшей площадью, казалось, на весь мир торжественно разнеслись слова принятого в Хельме исторического Манифеста Польского Комитета Национального Освобождения... Польша стала свободной! Кончились ночь оккупации.

Да, Польша стала свободной. Хотя на ее территориях шли еще ожесточенные бои, Варшава еще томилась в руках врага, но он был уже сломлен, этот враг... До фашистского Берлина недалеко...

— Боже мой, — тихо воскликнул вдруг старый Ян, — я ли это стою здесь, дети мои? Как, чем отплатить Советам за нынешний праздник, за то, что сбылись наши мечты!!

— Чего же вы плакаете, тату? — смущенно улыбаясь, сказал Стах. — Смотрите, все кроем разделяются, а вы... Тяготы другая жизнь пойдет, — и наше все это... Он обвел вокруг рукой. — И земля наша, и небо над головой... Ну, выше голову! Нечего теперь вспоминать о прошлом...

— То есть, как это «нечего»? — посурсовали, вдруг перебил Ян. — Нет, сынку, ничто не забудется!. А паче всего тот день, когда Гитлер на Россию напал... Ты знаешь, русский друг, — повернулся Ян ко мне, — что в этот день в Польше было?

— Нет, товарищ Ян, не знаю... Но думаю, что еще больше печали принес он вам...

— За «товарища» спасибо тебе, сынок, а вот ошибся ты — это точно... В тот день во всех рабочих городах — в Лодзи, Катовицах, у нас, в Люблине, и даже в деревнях — на стенах домов появилась красная буква «V» — «Виктория», значит, победа... Да, да, не гляди на меня так, стар ляг. Мы ведь сразу поняли, что это конец Гитлера. И вздохнули вспомнили о прошлом...

— То есть, как это «нечего»? — посурсовали, вдруг перебил Ян. — Нет, сынку, ничто не забудется!. А паче всего тот день, когда Гитлер на Россию напал... Ты знаешь, русский друг, — повернулся Ян ко мне, — что в этот день в Польше было?

— Нет, товарищ Ян, не знаю... Но думаю, что еще больше печали принес он вам...

— За «товарища» спасибо тебе, сынок, а вот ошибся ты — это точно... В тот день во всех рабочих городах — в Лодзи, Катовицах, у нас, в Люблине, и даже в деревнях — на стенах домов появилась красная буква «V» — «Виктория», значит, победа... Да, да, не гляди на меня так, стар ляг. Мы ведь сразу поняли, что это конец Гитлера. И вздохнули вспомнили о прошлом...

А недплощадью уже неслась мелодия «Мазурки» Домбровского, национального гимна Польши, гремели слова, как клятва, возвещавшие приход нового времени:

Еще Польша не погибла,
Пока мы живы...

Я. НЕМЧИНСКИЙ

НЕУМИРАЮЩАЯ ДУША ШОПЕНА

В ЦЕНТРЕ Варшавы, в полуночье древнего готического собора, в огнях свечей, среди цветов поконится доставленное с чужбиной, по завету умершего, сердце великого сына польского народа. Сбереженное патриотами в дни фашистской оккупации, оно живет и бьется сейчас в груди свободной Польши — ее горячее сердце, ее гордость и святыня, щедро делимая со всем передовым человечеством.

И Польша входит в вашу душу, полна вдохновенной музыки Фредерика Шопена.

Мы видели его мечты о свободном будущем родного народа, воплощенные в поднятых из руин проектах Варшавы, и в растущих на бытом пустыне гигантских корпсах Новой Гуты, и в судьбах людей.

Мы будто слышали исполненные гневной боли мелодии Шопена в трагических бараках Освенцима, который Польша мужественно сохранила человечеству, чтобы не умирала в людях ненависти к страданию и неволе.

О Шопене, славе и трагедиях минувших веков напоминали нам торжественная строгость несчетных залов Вавела, неповторимая величина

Н. ЧЕТУНОВА

вость площадей и костелов Кракова и Варшавы, тысячелетняя тишина солнышком катакомб Великих со склонкой красотой ее подземных часовен и храмов, высеченные в солнышко полу-праздничном камне алтары.

Светлой задумчивой шопеновской мечтательностью окружали нас, выступая из дымки тумана, седые ивы и нарядно-зеленые ели предгорий Татр, звенели ключи, сбегая с легендарно вознесенного на вершину ложа Спящего царя.

Но вот мы на родине Шопена — в Жельзорове Воле.

Словно подтверждала живую слитность неумирающей души Шопена с душой его народа, возникает перед нами в буйной россыпи цветущих сирен празднично взволнованная толпа людей. Они пришли к своему сюда из ближних и не ближних деревень и городов, чтобы услышать в музыке их Шопена свои

собственные сокровенные думы, тревоги и ожидания.

Что же это? Юбилей? Какое-нибудь необычное торжество?

Нет, это полдень обычного воскресенья. Ежегодный шопеновский концерт, исполнить который приезжают сюда лучшие пианисты страны, а слушать — учитель и рабочие, служащие и крестьяне, нарядно и совсем скромно одетые дети и старики, подростки и взрослые.

Здесь нет чинно расставленных кресел концертного зала. Нет и самого зала. Рояль стоит в тихой гостиной маленького дома, где родился Шопен. Мелодии несутся из распахнутых настежь дверей и дверей прямо в солнечный весенний парк, выращенный за последние годы.

Слушатели разместились на садовых скамейках, на низеньких оградках и просто стоя в molnijach на дорожках и площадках парка. Они пришли к своему Шопену подумать, вспомнить и помечтать вместе с ним о пережитом и грядущем, о борьбе и свободе. О всем, что созидало сейчас в великом творческом труде во имя своего и общечеловеческого счастья свободной польской народ.

На снимке герб Варшавы: поднявшись из глубин Вислы, сирена с мечом и щитом не раз вдохновляла польских патриотов на героические подвиги.

ЮМОР

НАШИХ ДРУЗЕЙ

Тадеуш ПОЛЯНСКИЙ

Об эпиграммах

Эпиграммы — это пчелы, что взамен нектара С лепестков снимают горохчи, Слезы и удары, Горький мед у них рождается Колят легким каламбуром Там, где надо жало бьет, А порой у эпиграммы Путь кривой и трудный, Ведь не все ж отрыты — пчелы, Есть среди них и трутни... Здесь подпрыгнули поэты В бешенстве на стульях: — Нет и не было, мол,

В стихотворных ульях...

Пережитки

Коль в новый быт мы вносим

Нам говорят, что это пережитки,

Нечтный факт, но честно

Что пережитки нас перевиживают...

Оператору

Не подражай водопроводу,

Оставь напрасные труды,

Чем вечно лить в докладах воду...

Уж лучше в рот набрать воды...

Ян ЧЕРНЫЙ

Истина торжествует

— Я горный орел, — заявил свинья, —

Известно давно это целому свету..

Поправку внес повар.

Порядок цепей,

Из птицы он сделал...

свинью котлету!

Об осце

Себя считает он работником

Ведь барабан в оркестре —

из ослиной шкуры...

Диспутант

Понаторев в словесных стычках,

Сто мыслей носит в голове,

Но собственных — одна миль две,

А остальные все в квадратиках...

—

Польские инженеры разрабатывают проект атомной домашней плиты.

—

Пани Малиновская, золотница, одолжите мне до четверга десять гривен урана!

Худ. Зигмунт Ленгрен. Журнал «Шпильки»

—

Збигнев СКУПИНСКИЙ

Туда и обратно

Издрали поэтов в Парнасе

Пегас доставляет, но ныне

Обратно с Парнаса поэты

Съезжают на личной машине...

—

Казимир НОВАК

Надпись на могиле заведующего кадрами

Погиб в расцвете сил, не мог он жить на свете,

Ошибку обнаружил он в собственной ёмкетке...

Перевел с польского Н. Лабковский

—

Правление Союза писателей СССР и правление Союза писателей Белоруссии с прикорением извещают о кончине одногодичника из старейших польских писателей

Людомирского ДОЛГОПОЛЬСКОГО.

и выражают соболезнование семье покойного.

—

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.

Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛЯН,